

Евгений Годубовский

БАБЕЛЬ ВО ФЛОРЕНЦИИ

«Бывают странные сближения» — как не вспомнить эту фразу А. С. Пушкина, когда жизнь сталкивает вот с такими странными сближениями.

Можно, конечно, задаться целью — найти нечто новое о Бабеле. А результат? Сомнителен.

Правда, именно я напечатал когда-то в «Вечерке» очерк «Самый упрямый одессит» о боцмане Иване Сергеевиче Барвиненко. Поставил перед собой человек, влюбленный в космос, задачу — найти метеорит. Поднял с земли тысячи камней и... нашел. Зарегистрирован Академией наук метеорит «Одесса», найденный в Лузановке И. С. Барвиненко.

О чем это я? Нет, не поднимал я в библиотеках тысячи журналов и книг... Хотя в свое время мой друг, известный одесский краевед Саша Розенбойм решил просмотреть все однодневные газеты, выходившие в Одессе в двадцатые годы. Так называемые «летучие издания», многие из которых вообще не регистрировались. И вот в газете «На помощь» он обнаружил рассказ Бабеля «Справедливость в скобках», переписал его от руки, принес мне. Вместе написали предисловие и опубликовали этот рассказ в журнале «Простор». С тех пор этот рассказ со ссылкой на алма-атинский журнал перепечатывается во всех собраниях сочинений Бабеля.

В 2017 году я готовил номер «Всемирных одесских новостей». Не простой номер — сотый (!). И решил выпустить его перед днем рождения Бабеля, перед вручением первой Бабелевской премии. И, естественно, ждал чуда — а вдруг... 18 мая, празднуя Международный день музеев, Одесский художественный музей решил сделать любителям искусства подарок — показать французский фильм об одесском французском художнике Филиппе Гозиасоне режиссера Давида Гринберга.

Меня пригласили — потому что еще в 60-е годы я писал о Ф. Гозиасоне, а позже даже переписывался с ним.

Филипп Гозиасон для Франции — классик, фигура легендарная. Он родился в Одессе 15 (27) февраля 1898 года, его мать была племянницей Леонида Пастернака. В Одессе принимал участие в выставках

Независимых, преподавал в студии А. Экстер. В Одессе же вышла его книжка об Эль Греко, первая книга на русском языке о великом художнике. В ноябре 1919 года Гозиасон эмигрировал в Италию. Жил в Германии, потом во Франции, воевал, был ранен, скрывался от нацистов. Умер в почете и славе в 1978 году в Париже. За год до смерти дал журналистам четырехчасовое интервью. Фрагменты из этого интервью и легли в основу фильма.

И вот идет показ фильма. Интересно. Но никаких неожиданностей. Для меня.

Тридцатые годы. И тут Филипп Германович говорит, как будто знает, что я буду это когда-нибудь слушать: «А теперь о Бабеле».

Этот фрагмент из фильма — еще нигде не публиковавшиеся мемуары — я сейчас предлагаю вашему вниманию.

«Об Исааке Бабеле. Я встретил его в 1934-м во Флоренции. Я был раздражен. Бабель, знаменитый советский писатель, разглагольствовал о людях из России, о необходимости... рассматривать искусство с марксистской точки зрения.

Я был не в том состоянии, чтобы говорить ему, что я люблю Флоренцию по абсолютно другим причинам. Я встретился с Исааком Бабелем возле галереи. Он навещал Горького на Капри, возвращался в Париж с остановкой во Флоренции, и он увидел в газете объявление о моей выставке. Мы договорились встретиться на Площади Синьории в кафе напротив «Давида» Микеланджело.

Когда я нашел его в кафе, я увидел плачущего Бабеля.

Я спросил его: «Что с тобой?»

«Как можно выдержать такую красоту?»

Я говорю: «Это то, чего я не ожидал».

«Ну ладно! Я останусь здесь на эту ночь».

Мы продолжили наше шатание по Флоренции, мы говорили ни о чем, это были просто разговоры обо всем, что мы видели. Я рассказывал все, что знал об архитекторах Флоренции. Брунеллески, Микеланджело как архитекторе, и он задавал вопросы, что можно увидеть в Риме.

Его энтузиазм становился все более буйным. Он был чрезвычайно благодарен за информацию, которой я с ним делился, и он стал таким нежным, каждый раз говоря: «Какая красота! Вы и представить себе не можете! Как прекрасно, что все это существует в мире».

Мы вернулись пешком от Палаццо Питти к церкви Санта-Мария-Новелла, там, где вокзал.

Мы добрались на вокзал за час до прибытия поезда. И как раз тогда мы увидели... прибытие молодых фашистов, в униформе с черными рубашками, выстроившихся вдоль платформы.

Мы молчали, Бабель и я, так как в такие минуты лучше держать рот на замке. А когда поезд подъехал, Бабель посмотрел на меня и сказал:

«Везде все то же самое».

Это глубоко потрясло меня. Я сказал ему:

«Что ты хочешь этим сказать?»

«То, что я сказал. Я имею в виду, что в России, откуда мы, и в Германии, и здесь я вижу одно и то же».

Я спросил: «Ты же не член... партии?»

«Я? Я не вижу разницы между тем, что мы только что видели и что можно видеть дома. Да, я не могу иначе. Я не могу жить вне России. Но, дорогой Филипп, мы больше никогда не увидимся. Потому что после Парижа я еду в Москву. И можешь быть уверен, я больше никогда не выеду из страны». Абсолютно очевидно, что он предвидел свой конец, и я больше никогда не видел его».

Многое меня взволновало в этом рассказе Филиппа Гозиасона. Но более всего — слезы Бабеля от соприкосновения с великим искусством. В тот же вечер я поделился этой находкой (оговорив, что право первой публикации за мной) с крупнейшим знатоком жизни и творчества Бабеля Еленой Погорельской. Она внесла два уточнения: во Флоренции Бабель был между 19–20 и 27 мая 1933 года; на Капри Бабель ездил с Максимом Пешковым, а у Горького был в Сорренто. Память у Филиппа Гозиасона была превосходной. Он по памяти вспоминал стихи Катаева и Бабаджана, по памяти воспроизводил одесские вывески 1914–1919 годов и написал о них статью во французском журнале. Но, конечно, и хорошая память может не удерживать даты.

И еще. Бабеля за границу еще раз «выпустили». В июне 1935 года в Париже был созван Международный конгресс писателей в защиту культуры. В советскую делегацию включили Тихонова, Караваеву, Киршона, Лахути... Французы подняли бунт — они требовали прислать на конгресс Пастернака и Бабеля. Пришлось пойти на

попятный, их отправили, когда уже шли заседания. Исаак Бабель и Борис Пастернак выступили на конгрессе. Для Исаака Эммануиловича Бабеля это была, действительно, последняя поездка за рубеж. Во Франции жили его первая жена, их дочь Наташа, но на дальнейшие просьбы поехать он получал отказ.

В 60-х годах в письме ко мне Филипп Гозиасон, называя своих одесских знакомых, упомянул Ильфа, Фазини, Бабеля. И я ругаю себя за то, что, сосредоточившись на его творчестве, не расспросил о литературных связях.

Вероятнее всего и с Бабелем Гозиасон был знаком по Одессе. Уже не узнаешь...

